

УДК 316.613.4:128(571.5)

В.Г. Немировский
ФРЕЙМЫ СМЕРТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СИБИРЯКОВ: СТРУКТУРА И
ДИНАМИКА (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ И РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ В 1995–2010 гг.)¹

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета. E-mail: valnemirov@mail.ru

Опираясь на данные двух исследований, проведенных в 2010 г. среди жителей Красноярского края и Республики Хакасия, а также на данных более ранних исследований, осуществленных по аналогичной методике в Красноярском крае (1995, 1998 и 2005 гг.), автор статьи рассматривает фреймы смерти как сложные иерархические феномены, а) манифестированные в массовом сознании респондентов, и б) с учетом их латентной, базовой основы в массовом бессознательном населения. Автор предлагает типологию фреймов смерти, основанную на трех типах (социальные, религиозные и фреймы, отвергающие посмертное существование), анализирует динамику их распространения, рассматривает структуру и взаимосвязь фреймов смерти и их элементов.

Ключевые слова: фреймы смерти, типология фреймов, структура фреймов, динамика фреймов, социальные стереотипы, массовое бессознательное.

1 Методологические основания и актуальность исследования

Одним из активно развивающихся в последние два десятилетия направлений социологии является фрейм-анализ, в основе которого лежат работы американского социолога и психолога Ирвинга Гофмана [1]. Актуализации этого направления в отечественной социологии способствовала публикация статей В. А. Ядова, О. Н. Яницкого, Д. Н. Шалина на официальном сайте Российского общества социологов [2].

Как писал И. Гофман, «в повседневной жизни нашего общества... ощущается различие между двумя обширными классами первичных систем фреймов — назовем их природными и социальными.

© Немировский В.Г., 2011

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Особенности социокультурного портрета Красноярского края»), проект № 10-03-00001а.

Природные системы фреймов определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодоушевленные, неуправляемые — «чисто физические». Принято считать, что неуправляемые события полностью... происходят благодаря «естественным» факторам, что никакое волеизъявление... не вмешивается в их естественный ход, и нет никого, кто бы постоянно направлял их к цели...

Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность — живая деятельность, воплощением которой является человек. В такой деятельной силе нет неумолимости природного закона, с ней можно договориться, ее можно задобрить, запугать, ей можно противостоять. То, что она делает, можно назвать «целенаправленным делом». Само делание подчиняет делателя определенным «стандартам», социальной оценке действия, опирающимся на честность, эффективность, бережливость, осторожность, элегантность, тактичность, вкус и т.п.» [3]. При этом автор указывает на тесную взаимосвязь и взаимопроникновение природных и социальных фреймов: «...хотя природные события происходят без вмешательства мысленных действий, их нельзя совершить, не вторгнувшись в природный порядок. Поэтому любой сегмент социально направленного действия можно в определенной степени анализировать и на основе природной схемы» [3].

В каждой культуре смерть — это логичное продолжение жизни, а образ смерти — искаженное отражение облика жизни. Представления о потустороннем — неотъемлемый элемент «образа мира», который лежит в основе культуры той или иной эпохи, прежде всего в форме религиозной картины мира. Такие представления могут разрастаться в необычайно богатую картину или быть «нулевыми», когда небо пустеет и по ту сторону жизни находится небытие. В любом случае оба мира — жизни и смерти — присутствуют в сознании культуры и определяют ее существенные черты. Представления о смерти выступают одними из базовых ценностных ориентиров личности, а точнее говоря, фреймами, сочетающими в себе характеристики как природного, так и социального класса первичных фреймов. Они также выступают одной из базовых мировоззренческих универсалий, влияющей на многие характеристики социального поведения индивида. На наш взгляд, важным элементом фреймов смерти являются и религиозные представления респондентов — через любое религиозное вероучение проходит тема смерти, посмертного воздаяния, спасения души и т.п. Наконец, неотъемлемый конструкт фрейма смерти — представление человека о бессмертии, его потенциальной возможности и условиях его обретения. Поэтому можно выдвинуть общую гипотезу, что верующий человек иначе относится к смерти и бессмертию, нежели неверующий.

Особенно актуально изучение фреймов смерти в современной России, где в массовом сознании населения произошла резкая смена системы ценностей и жизненных стратегий, нередко сопровождающаяся ситуацией экзистенциального вакуума. Более того, некоторые публицисты и политики ведут речь о «православном ренессансе» в стране. Попытаемся проверить научную обоснованность подобных утверждений на материале двух регионов Восточной Сибири.

2 Методика исследования

Исследования, лежащие в основе данной статьи, проведены социологами Сибирского федерального университета в соответствии с Типовой программой и методикой

«Социокультурный портрет региона», созданными сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Программа и методика опираются на разработанный членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным социокультурный подход [4], а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социологических наук Л. А. Беляевой [5]. Эмпирической базой послужили материалы двух социологических исследований, проведенных сотрудниками отделения социологии и общественных связей Сибирского федерального университета в 2010 г.: опросы жителей Красноярского края и Республики Хакасия [6].

Население Красноярского края опрашивали методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона (в Республике Хакасия — в 11), по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Республики Хакасия. Объем выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия — 600 респондентов. Данные анкетного опроса прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с использованием кластерного, факторного и корреляционного анализа. Кроме того, в статье для сравнения использованы результаты социологических исследований, проведенных нами тем же методом в Красноярском крае в 1995, 1998 и 2005 гг. по аналогичной выборке, соответственно 1050, 1000 и 1200 опрошенных.

Специфика подхода, реализованного в настоящей статье, заключается в сочетании двух уровней анализа полученных данных: а) социальных стереотипов, которые весьма подвижны и слабо влияют на социальную деятельность людей (массовое сознание); б) более устойчивых, но мало осознанных представлений, тесно связанных с реальным поведением (массовое бессознательное) [7]. Таким образом, фреймы смерти анализируются как сложные иерархические феномены, манифестированные как в массовом сознании респондентов, так и с учетом их латентной, базовой основы в массовом бессознательном населения.

3 Типология фреймов смерти и их динамика

В 1995 г. с помощью контент-анализа ответов респондентов на вопросы в ходе специального формализованного интервью было выделено шесть характерных фреймов смерти, которые затем были включены в качестве индикаторов в инструментарий социологических исследований. Оказалось, что они содержат такой обязательный элемент, своего рода смысловое и сценарное ядро, как представления о бессмертии. По этим представлениям можно выделить три типа фреймов смерти в массовом сознании населения.

Социальные:

1. Социально-творческое: «после смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди».
2. Социально-демографическое: «после смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках».

Религиозные:

1. Христианское: «после смерти человека его душа попадает в ад или рай, в зависимости от того, как он прожил жизнь».
2. Буддистское: «после смерти человека его душа вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике».

Фреймы, отвергающие посмертное существование:

1. Нигилистическое: «после смерти человека исчезает все, поэтому любые дела и стремления напрасны».
2. Потребительское: «после смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно».

Респондентам предлагалось оценить их по 3-бальной шкале: «согласен полностью», «согласен частично», «не согласен».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени вы согласны со следующими суждениями?», (% от числа опрошенных, Красноярский край)

Ядро фрейма смерти	Согласен полностью			Согласен частично			Не согласен		
	1995	1998	2005	1995	1998	2005	1995	1998	2005
1. После смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди	50	53	54	36	36	37	13	10	9
2. После смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках	60	55	51	32	39	37	8	7	1
3. Через определенное время после смерти человека его душа появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике	17	21	23	38	39	25	45	40	52
4. После смерти человека его душа попадает в ад или рай, в зависимости от того, как он прожил земную жизнь	18	16	12	33	35	39	48	45	49
5. После смерти человек исчезает, поэтому любые дела и стремления напрасны	7	7	18	23	25	31	70	67	51
6. После смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно	19	20	27	35	34	40	46	45	33

В целом в массовом сознании населения Красноярского края в 1995–2005 гг. наиболее распространены социально-творческий и социально-демографический фреймы смерти; иными словами, более половины опрошенных надеялись продолжить свою жизнь в

на индивидуальной форме: в памяти своих кровных потомков или иных благодарных граждан, помнящих общественно полезные деяния покойного.

Существенно реже встречались христианские, буддистские и потребительские фреймы: менее пятой части респондентов полностью согласны с отражающими их утверждениями. Нигилистическое фреймы смерти отвергали две трети опрошенных.

В 1995–2005 гг. на уровне стереотипов массового сознания несколько уменьшилась распространенность социально-демографических фреймов и увеличилась доля респондентов — носителей социально-творческих и буддистских фреймов смерти.

Распространение социально-творческого фрейма смерти в те годы — своеобразная реакция на снижение популярности социально-демографического фрейма, ибо социальное бессмертие представляет единый комплекс, состоящий из двух элементов, причем ослабление одного из них автоматически ведет к усилению другого. Рост популярности буддистских фреймов смерти связан с распространением в России нетрадиционной религиозности.

Еще более выросла распространенность нигилистических и потребительских фреймов смерти: половина опрошенных в той или иной мере согласны с тем, что «после смерти человек исчезает, поэтому любые дела и стремления напрасны», а две трети — с тем, что «после смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно». Как видим, за прошедший, сравнительно небольшой, период времени во внутренней иерархии фреймов смерти произошли серьезные перемены.

Сравнение данных, полученных 2005 и 2010 гг., показало, что во фреймах смерти произошли заметные изменения (см. табл. 2). Так, ориентация на социально-демографическое бессмертие (вариант ответа «согласен полностью») увеличилась на 8% и вышла в общей иерархии на первое место. Доля сторонников христианских фреймов возросла на 17%, нигилистических и потребительских снизилась соответственно на 13% и 10%. При этом доля респондентов, ориентированных на социально-творческие и буддистские фреймы смерти, практически осталась прежней. Все большее число респондентов в Красноярском крае надеются продолжить жизнь в своих непосредственных потомках или в «загробном мире». Как показало интервьюирование, большинство этих респондентов, естественно, надеются попасть в рай.

4 Региональная специфика фреймов смерти

Сравнение данных, полученных в 2010 г. в Красноярском крае и Республике Хакасия, показывает отсутствие существенных различий в этих регионах на уровне массового сознания.

Вместе с тем жители Красноярского края несколько реже придерживаются ориентации на социально-творческое бессмертие, чаще — на христианское. Объяснение этого феномена кроется в специфике социокультурных традиций двух сибирских регионов.

Факторный анализ, выполненный на данных 2010 г., показал, что на уровне массового бессознательного респондентов различия уже более значительны.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к следующим суждениям?», %, 2010 г.

Суждения	Согласен		Согласен частично		Не согласен	
	Красноярский край	Хакасия	Красноярский край	Хакасия	Красноярский край	Хакасия
1. После смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди	54	60	37	30	9	10
2. После своей смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках	59	57	33	31	8	12
3. После смерти человека его душа вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике	25	27	37	40	38	33
4. После смерти человека его душа попадает в ад или рай, в зависимости от того, как он прожил жизнь	29	25	37	43	34	32
5. После смерти человека исчезает все, поэтому любые дела и стремления напрасны	5	4	17	16	78	80
6. После смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно	17	19	37	37	46	44

Так, в массовом бессознательном населения Красноярского края выделяются три латентных переменных.

Ф-1 описывает комплекс ориентаций на социально-творческое, социально-демографическое и нигилистическое отношение к смерти. Описательная сила – 69,2%.

Ф-2 выражает потребительское и христианское отношение к смерти. Описательная сила – 16,5%.

Ф-3 характеризует буддистское отношение к смерти – 9,2%.

Как видим, многие респонденты отвергают любую возможность «индивидуализированного» посмертного существования человека и, соответственно, логичные стремления «продолжить» свою жизнь в социуме благодаря собственной деятельности, а также в своих детях и внуках. Обращает на себя внимание «объединенность» потребительского и христианского отношения к смерти в одной латентной переменной, что может свидетельствовать о восприятии многими респондентами – жителями Красноярского края христианской религии как одного из проявлений потребительского отношения к жизни.

В массовом бессознательном населения Хакасии выделена несколько иная структура ориентаций на отношение к смерти, выражающаяся в двух обобщенных факторах.

Ф-1 выражает ориентации на социально-творческое, потребительское и нигилистическое отношение к смерти. Описательная сила – 48,6%.

Ф-2 характеризует ориентации на буддистское, христианское и социально-демографическое отношение к смерти. Описательная сила – 46,2%.

Таким образом, обнаружены две примерно равные обобщенные ориентации. Первая – на стремление людей самореализоваться и получить от жизни все «здесь и сейчас», поскольку «потом» ничего не будет. Вторая – на возможность того или иного индивидуального посмертного существования, а также на квазибессмертие в своих прямых потомках.

5 Структура и взаимосвязь фреймов смерти и их элементов

На основании корреляционного анализа можно выделить биполярную картину фреймов смерти, существующую в массовом сознании респондентов (см. рис. 1). На одном ее полюсе находятся социальные и религиозные фреймы смерти, на другой – нигилистически-потребительские.

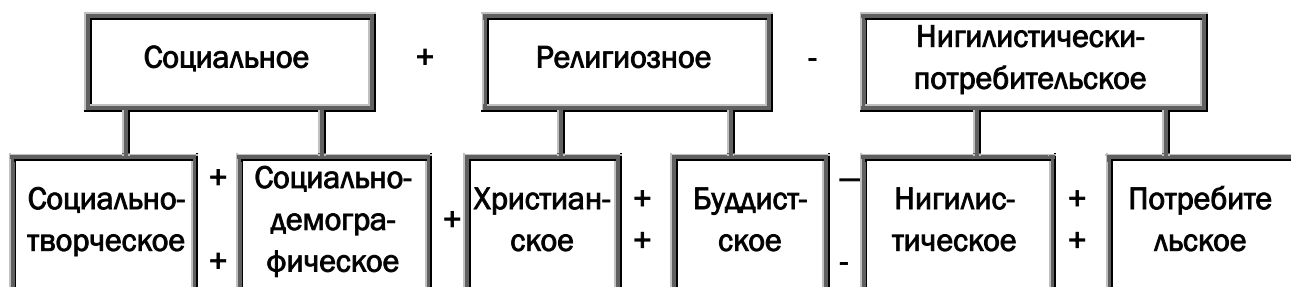

Рисунок 1 – Картина фреймов смерти в массовом сознании респондентов

Для выявления распространенности таких аспектов фреймов смерти, как религиозность и принадлежность к конкретному вероисповеданию, респондентам были заданы соответствующие вопросы. Менее четверти опрошенных отнесли себя к верующим (Красноярский край – 22%, Хакасия – 24%). Считают себя скорее верующим, чем неверующим – 45% респондентов в каждом из сибирских регионов; скорее неверующим, чем верующим – 14% населения Красноярского края и 13% жителей Хакасии. К неверующим себя отнесли соответственно 9% и 8% опрошенных сибиряков. Наконец, к атеистам себя причислили по 4% респондентов в каждом регионе. На основании данного индикатора можно говорить о практически совпадающем уровне религиозности в регионах. Подчеркнем, что почти 60% опрошенных относятся к колеблющимся, сомневающимся в оценке своей религиозности, а еще около 6% отказались отвечать на вопрос. Иными словами, четко определить свое отношение к религии смогли только около трети респондентов.

Тем, кто отнес себя к верующим и колеблющимся, был задан вопрос «Верования какой религии, вероисповедания Вы разделяете?». Распределение ответов на него населения двух регионов также оказалось весьма сходным. Подавляющее большинство респондентов причислили себя к православным (Красноярский край – 84%, Республика Хакасия – 83%), значительно меньше приверженцев других конфессий: ислама (соответственно 2% и 2%), буддизма (1% и 3%), протестантизма (1% в каждом регионе), другие (2% и 3%). Контент-анализ ответов на вариант «другие» показал, что сибиряки называют «всеобщую религию», различные виды язычества, сатанизм, внеконфессиональную религиозность, веру в некую «высшую силу», «Вселенский Разум», некоторые современные секты. Характерно, что в целом каждый десятый респондент отказался от ответа (Красноярский край – 11%, Хакасия – 9%). Логично предположить, что отказ от ответа также может скрывать принадлежность к разного рода сектам, зачастую незарегистрированным или асоциальным, которые активно действуют в этих регионах.

Корреляционный анализ показал, что в двух регионах существует неодинаковая внутренняя структура фреймов смерти. Так, в Красноярском крае *верующие* нередко отвергают нигилистический фрейм смерти и проявляют склонность к христианскому. *Неверующие* отвергают религиозные (христианский и буддистский) фреймы смерти. *Колеблющиеся* не проявляют специфической склонности к каким-либо фреймам.

Иная картина наблюдается в Хакасии, где *верующие* также отвергают нигилистические фреймы смерти, но значительно сильнее ориентированы на христианские и буддистские фреймы. *Неверующие* жители этой республики отвергают христианские, буддистские, социально-творческие фреймы смерти и ориентируются на потребительские и нигилистические. *Скорее верующие, чем неверующие* зачастую ориентированы на социально-творческие, буддистские и христианские фреймы смерти. *Скорее неверующие, чем верующие* склонны отрицать христианские и буддистские фреймы, а *неверующие* респонденты, ориентируясь на нигилистические и потребительские фреймы, резко отвергают христианские, буддистские и социально-творческие.

Ни в одном из регионов отношение к вере не связано с социально-демографическим фреймом смерти. По-видимому, рождение и воспитание детей как способы «спасения души» или мирские обязанности человека не акцентируются современным религиозным сознанием. При этом массовое сознание населения Красноярского края отличается более низкой степенью консолидированности, склонностью к атомизации. Среди причин — большая урбанизированность Красноярского края по сравнению с Республикой Хакасия, значительное число мигрантов, традиционно высокая маргинальность населения.

Более бедный спектр корреляционных связей наблюдается между принадлежностью респондентов к конкретному вероисповеданию и их фреймами смерти. Так, в Красноярском крае лица, относящие себя к протестантам, отвергают буддистское представление о смерти. В Республике Хакасия выявлены невысокие корреляционные взаимосвязи между самоотнесением респондента к православию и христианскими, буддистскими представлениями о смерти. Некоторые опрошенные жители этой республики, разделяющие догматы ислама, также придерживаются представления, что «после смерти человека душа его попадает в ад или рай, в зависимости от того, как он прожил жизнь». Можно предположить, что принадлежность человека к конкретному вероисповеданию в настоящее время играет незначительную роль в формировании базовой структуры фрейма смерти. Разумеется, это предположение требует дополнительных исследований на более обширном эмпирическом материале.

6 Эмоционально-ценностная составляющая фреймов смерти

Фреймы смерти имеют мощную эмоциональную составляющую. Как известно, страх смерти играет важную роль в мотивации человеческой деятельности. Оставляя изучение такой функции эмоций, как оценка, психологам, мы проанализировали ориентации респондентов на ценностные переживания (в основе каждой из них лежит переживание определенной потребности) [8]. Установлено, что фреймы смерти не только тесно связаны с ориентациями респондентов на ценностные переживания, но и во многом определяют их.

Христианский фрейм смерти коррелирует с ориентациями на ценностные переживания потребностей в общении, конформистской, в беспристрастности, самодостаточности, эстетической, в содействии окружающим, эгоистической, в

расточительстве. При этом зачастую отвергаются переживания потребностей в доминировании и осмысленности жизни.

Склонность к **буддистскому** фрейму смерти связана с ценностными переживаниями таких потребностей, как гедонистическая, альтруистическая, в пассивном отношении к миру, безопасности, конформистская. Вместе с тем существует отрицательная корреляция с переживаниями садистской потребности.

Элементами **социально-творческого** фрейма смерти нередко являются ценностные переживания потребностей в осмысленности жизни, эстетической, альтруистической, в содействии окружающим, пассивном отношении к миру, общении, безопасности, деятельности. При этом существует высокая отрицательная корреляция с переживаниями «антитворческой» и мазохистской потребностей.

Социально-демографический фрейм смерти коррелирует с ориентациями на переживания потребностей в альтруистической деятельности, содействии окружающим, пассивном отношении к миру, общении, покровителе, эгоистической потребности. Отрицательная корреляция — с переживаниями садистской и антитворческой потребностей.

Потребительский фрейм смерти взаимосвязан с переживаниями потребностей в контроле над окружающими, престиже, свободе, пассивном отношении к миру.

Нигилистический фрейм коррелирует с ориентациями на переживания потребностей: антитворческой, гедонистической, познавательной, мазохистской, в престиже, пассивном отношении к миру, конформистской.

Как видим, с точки зрения общественной нравственности, наиболее позитивную эмоционально-ценностную подоплеку имеют **социальные** фреймы смерти, хотя бы на том основании, что они отвергают ориентации на садомазохистские переживания. Последние, как известно, лежат в основе человеческой агрессивности, направленной как вовне, на окружающих, так и на самого себя. Во многом схожую ценностную основу имеет и **буддистский** фрейм смерти. Обратим внимание и на то, что если христианский фрейм взаимосвязан с ориентацией на эгоистические переживания, то буддистский — с ориентацией на переживания альтруистической потребности. Поэтому, с точки зрения общественной нравственности, надежда человека на новое воплощение, которое определяется его поступками, явно более приемлема, чем его мечта попасть в рай и страх перед адом.

И вот что важно: **социальные** и **религиозные** фреймы смерти в эмоционально-ценностном измерении имеют биполярный (двухполюсный) характер: с ориентациями на одни переживания — в основном социально-позитивными, они связаны положительно, с другими, главным образом социально-негативными, — отрицательно. Напротив, фреймы, **отвергающие какое-либо посмертное существование**, имеют *положительные корреляции* только с ориентациями на ценностные переживания, которые, выражаясь словами Э. Фромма, описывает модус «обладание».

Литература

- 1 Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М. : Институт социологии РАН, 2003.
- 2 http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464-469-471.
- 3 Гофман И. Анализ фреймов // Библиотека Фиделя Кастро : [веб-сайт]. URL: http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/hoff_frame.htm.

- 4 Лапин Н. И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России : социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 15–40.
- 5 Беляева Л. А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России : социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 41–64.
- 6 Немировский В. Г., Немировская А. В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. 264 с.
- 7 Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13–19.
- 8 Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека : от классических к постнеклассическим подходам. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 169–187.